

УДК 316.334.56

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5

Яницкий О. Н.

Малые города России: междисциплинарный анализ

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского федерального университета

Кремлевская наб., 35-1, Казань, 420008, Россия

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

ул. Кржижановского д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия oleg.yanitsky@yandex.ru

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

Статья поступила 15 ноября 2018 г.; Принята 15 декабря 2018 г.;

Опубликована 30 декабря 2018 г.

Аннотация. Опираясь на научную и историко-художественную литературу, а также на собственные исследования, в статье анализируется структура и динамика малых городов России. Этот анализ предполагает сочетание следующих подходов: культурно-исторического, политико-экономического, комплексного, междисциплинарного, а также анализа темпо-ритмов взаимодействия и метаболизма составляющих их агентов и сред. Учитывая быстрое развитие Четвертой промышленной революции и вызванные ею изменения в социально-пространственной структуре общества, автор полагает, что динамика малых городов России будет развиваться по следующим траекториям: вовлечение большинства малых городов в орбиту быстро развивающихся агломераций. Также будут интенсивно развиваться относительно изолированные (закрытые) городки в системе «линейных городов» вдоль Северного морского пути как наиболее перспективного, с точки зрения, наличия нефтегазовых и других ресурсов, региона. С развитием транспортной инфраструктуры страны будут развиваться и другие типы временных и вахтовых поселений. Сохранится также сеть закрытых (научных, военных, спортивных и других) малых городов. В любом случае при относительно мирном развитии глобальной ситуации информационно-коммуникационные структуры будут играть все большую роль в динамике поселений рассматриваемого типа. С ростом вероятности возникновения критических ситуаций (природных и техногенных катастроф) будет также развиваться такой тип поселения как мобильные лагеря быстрого развертывания (гражданские, военные, поисковые, спасателей и т.д.).

Ключевые слова: информация; краеведение; культура; малые города; междисциплинарный анализ; метаболизм; методы; способ производства; темпоритмы; теория.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант РНФ № 17-78-20106.

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 4. С. 52-64. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5

Oleg N. Yanitsky | Small towns of Russia: an interdisciplinary analysis

Institute of Social Philosophical Studies and Mass Communication of Kazan Federal University
35-1 Kremlevskaya St., 420008, Kazan, Russia
Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

*Received on November 15, 2018; Accepted on December 15, 2018;
Published December 30, 2018*

Abstract. Based on scientific and historical-cultural literature, as well as on the author's researches, the article analyzes the structure and dynamics of small Russian towns. This analysis involves a combination of the following approaches: cultural-historical, political-economic, integrated, interdisciplinary, as well as analysis of the rate of interaction and metabolism of their constituent agents and environments. Taking into account a rapid development of the Fourth industrial revolution, the author suggests that the dynamics of Russian towns will develop in the following trajectories: involvement of the majority of towns in an orbit of large urban agglomerations. Relatively isolated (closed) towns in the system of "linear towns" along the Northern Sea Route as the most promising, in terms of availability of oil and gas and other resources of the region will also be intensively developing. With the development of the transport infrastructure of the country, other types of temporary and rotational settlements will develop. At the same time, the system of 'closed' (scientific, military, sports areas, etc.) small towns will be expanded. In one way or another, the communication and information structures and networks will play a greater role in the dynamics of small towns. With an increase in the probability of occurrence of critical situations (natural and man-made disasters), such type of settlements as mobile camps of rapid deployment (civilian, military, search, rescue, etc.) will also develop.

Keywords: culture; information; interdisciplinary analysis; local lore; metabolism; methods; mode of production; small settlements; tempo-rhythms; theory

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2018), "Small towns of Russia: an interdisciplinary analysis", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 52-64, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-5

Введение (Introduction). Давно пора избавиться от определения типа города по численности его населения. Этот подход, заложенный в СНИП 1960-х гг., отражал господствовавший тогда технократическую идеологию индустриального типа.

Для начала, зададимся вопросом: что есть малый город сегодня и чем он был вчера? Социологи и до сих пор пользуются этим чисто количественным подходом:

малый город, средний, большой, мегаполис и т.д. Точнее, в современной нормативной литературе вообще нет такого понятия как малый город – есть только городской (муниципальный) округ. В теоретической социологии нет никакой типологии малых городов. С моей точки зрения, не определены оба понятия: что такое город как таковой и что есть сегодня малый город. Как, например, квалифицировать

данный город: по числу прописанных в нем жителей, уровню их образования или квалификации, или же по числу работающих его жителей в соседних больших городах?

Соответственно, и российская социология разделилась на две части. Одна изучала город как сложный социальный феномен, а другая использовала городских жителей как респондентов в массовых опросах общественного мнения и других «профильных» исследованиях. Город как чрезвычайно сложный многофункциональный феномен всегда изучался только двумя науками: исторической (точнее, археологией) и учеными-краеоведами, одним из которых был акад. Д. С. Лихачев.

В современном разнообразном и высоко интегрированном мире есть множество типов человеческих поселений городского типа. Не случайно в западной литературе в ходу такое нейтральное понятие как *human settlements or habitats*. Для начала перечислю известные (естественно, далеко не все) мне типы малых человеческих поселений России, которые используются в социологических и других научных исследованиях.

Вот некоторые из них: поселок городского типа (ПГТ), малые (старые) города, которые я называю «рядовыми». Затем, новые города, как, например, города-спутники, научные городки, военные городки, моногорода, «профильные» города, например, шахтерские и др. Далее, идут «режимные» городки, бункеры и города-музеи. Как, например, Суздаль, Плещеево озеро и Переславль-Залесский. Затем, всегда будут существовать разные виды временных поселений, как, например, лагеря беженцев и вынужденных переселенцев, вахтовые поселения и стойбища. Потом, станицы Юга России, являющиеся по существу поселениями городского типа, дачные кооперативы и садово-огородные товарищества, медицинские и реабилитационные центры и т.п. И, наконец, речь должна идти о старых городах, возрожденных руками их жителей, как, например, г. Мышкин.

Но как быть с набирающей силу тенденцией, когда *внутри мегаполисов создаются автономные*, то есть с полным циклом обслуживания и охраны, микропоселения для наиболее обеспеченных граждан? С одной стороны, они «встроены» в ткань городской среды, но с другой стороны, они от нее практически независимы. Даже в случае критической ситуации (авария, наводнение, пожар) жители этих привилегированных анклавов будут хорошо защищены и своевременно спасены в бункерах или специальными силами гражданской обороны.

Но вернемся к обычной, то есть к типичной ситуации. Естественно, что социально-функциональная структура «малых городов» и образ жизни их жителей зависят от их производственного и социально-воспроизводственного профиля. Одни «малые города» сегодня являются придатками крупнейших мегаполисов, другие зависят от непрерывного цикла их производства, третьи являются культурно-развлекательными центрами и т.д.

Чем более будет развита информационно-коммуникационная сеть общества и чем выше будет мобильность его производства и населения, тем менее тип города, его производственный профиль, образ жизни его населения будут зависеть от размера этого города. Малый город, впрочем, как средний и большой, становятся взаимозависимыми элементами национального и даже глобального целого. Территориальная автономия как критерий выделения малого города имеет смысл только в некоторых случаях, чаще всего, когда этот город действительно труднодоступен территориально, он относительно автономен в производственном отношении, как, например, г. Гжель или шахтерские городки, или же он представляет собой нечто уникальное, в историческом, культурном или экологическом отношении.

Есть еще один вопрос, который мало дискутируется в научной литературе. Это – безопасность малого города, как, впрочем, и всех других типов челове-

ских поселений. К сожалению, общий технократический тренд, порожденный Четвертой научно-технической революцией, таков, что за исключением немногих профессионалов высокого уровня рядовой житель любого города представляет собой малую ценность в случае глобального военного конфликта. Западные теоретики ядерной войны кривят душой, когда утверждают, что целями их неотвратимого ядерного или другого обезоруживающего удара по вероятному противнику являются лишь вооруженные силы и их военно-промышленный комплекс, а мирное население они не затронут. Как же можно спасти мирное население, если вся необходимая для его жизни инфраструктура будет разрушена до основания? Да и зачем им эти «лишние рты»?

Ограничения темы. В статье рассматриваются только проблема «малых городов» России. Их сопоставление с подобными городами Европы и США не годится, так как Европа слишком плотно заселена и уже давно ее города фактически слились в единую сеть (при сохранении их местных особенностей). Что касается таких городов в США, то они – иные по двум причинам. Во-первых, Америка всегда была по преимуществу «одноэтажной», что не исключало наличия нескольких мегаполисов. Во-вторых, Америка построена на системе автомобильных дорог, тогда как в России многие малые города возникли сначала на водных путях, а потом вблизи железных дорог. Что касается остальной части мира, то ее условия слишком сильно отличаются от российских малых населенных мест.

Содержательное ограничение темы состоит в рассмотрении роли малых городов России в формировании ее городской (всеобщей или особенной) культуры и жизненного уклада. Экономическая специфика этих городов рассматривается только в связи с ее воздействием на эти две характеристики.

Методология и методы (Methodology and methods). Способ производства –

исходный теоретико-методологический пункт. Например, в отличие от сельскохозяйственного производства, которое тесно связано с конкретными природными условиями места и времени, промышленное производство гораздо более мобильно, а уж об информационном производстве и говорить нечего, оно более других мобильно и менее других привязано к конкретной территории.

Второй принципиальный пункт – это *комплексный подход*, учитывающий не только множественность факторов, участвующих в данном типе общественного производства, но и метаболические процессы между ними, включая социальный метаболизм (Keen, 2008; Urry, 2003).

Третий пункт – это характер течения времени, точнее, *темпо-ритмы взаимодействия агентов труда, его предметов и среды их обитания*. Например, сельскохозяйственное производство нельзя ускорить, так как оно связано с природно-климатическими циклами, тогда как промышленное (индустриальное) производство постоянно ускоряется и одновременно приобретает все более комплексный (интегрированный) характер.

Четвертый принцип – это *междисциплинарный анализ*. Малые города являются «естественными» объектами такого анализа, так как в них осязаемо для жителя и внешнего наблюдателя проявляется «связь всего со всем». Совсем не случайно, что акад. Д. С. Лихачев (Лихачев, 1982, 1997) связывал краеведение с анализом именно малых городов России, поскольку краеведения явилось одной из первых научных дисциплин, широко практиковавших междисциплинарный анализ. К сожалению, обмен методами научного исследования между современными социологами и краеведами практически не существует до сих пор.

Междисциплинарный подход невозможен без анализа метаболических процессов, поскольку все агенты и среда малого города не только взаимодействуют, но и изменяют друг друга, стимулируя

взаимное развитие или напротив его подавляя. В этом отношении небезынтересна полемика между двумя выдающимися советскими учеными акад. П.Л. Капицей и акад. А.А. Трофимуком (см. Гольдфарб, 1996).

Наконец, пятый принцип, это исторический подход Российская социологическая литература в отличие от исторической, я имею в виду фундаментальные исследования социальной истории России (Мионов, 1990, 2003, 2018), бедна комплексными исследованиями сельского и вообще – не-городского образа жизни. Это были в основном исследования по экономике села (Ж. А. Зайончковская, Л. В. Корель, В. И. Переведенцев, Т. И. Заславская), по исследованию миграционных процессов в системе «город–деревня» и лишь косвенно – с социальной спецификой их образа жизни. Поэтому в данной работе я опираюсь на собственные наблюдения, на включенное наблюдение мои коллег и друзей, интервью с жителями малых городов, особенно в критических ситуациях, но главным образом – на исследования журналистов и писателей.

Я стараюсь практиковать комплексный (системный) анализ в изучении сложных объектов, что, естественно, предполагает междисциплинарный поход. Его суть – понимание того, как одни структуры и процессы влияют на другие независимо от их социальной или материальной сущности и масштаба (микро, мезо и макропроцессы). Другой методологически важный момент – это характер и скорость взаимных трансформаций. Например, как правило, структура и функции малых городов зависят от трансформаций большего масштаба, например, больших городов, регионов, общенациональных и глобальных процессов. Однако с развитием информационных технологий малые изменения (факторы), как, например, вредоносный информационный вирус, могут практически мгновенно порождать глобальные проблемы (так называемый феномен инверсии пространства).

В соответствие с законом распределения Ципфа-Бредфорда (применительно к информационной сфере), я придерживаюсь мнения, что нужная мне информация может содержаться не только в научных источниках. Уже не раз отмечалось, что лишь 1/2 нужной исследователю информации содержится в научной литературе. Другая половина рассеяна по множеству непрофильных источников. Поэтому я использую в своих исследованиях художественную литературу и публицистику.

В 1960-х гг. даже существовала такая отрасль социологии как социология художественной литературы. И действительно, огромный фактический и культурно-осмысленный российскими писателями и журналистами был предложен нашему обществу. Однако по исконной привычке нашей науки все классифицировать по специальностям он был отнесен к художественной литературе, журналистике или литературной критике. Между тем, материал по жизни малых городов, собранных такими писателями как Г. Абрамов, С. Алексиевич, В. Астафьев, В. Белов, В. Быков, Е. Дорош, В. Крупин, В. Некрасов, П. Нилин, В. Распутин, А. Солженицын, В. Тендряков и многие другие оставили нам неоценимый материал для анализа и размышлений.

В течение 30 лет я собирал интервью и архивные документы по экологическому движению в России (см. Экологический архив Яницкого, 2016). Наконец, в течение многих лет я вел наблюдение за развитием критических ситуаций в нескольких малых городах России (Яницкий, 2014; Yanitsky, 2016 и др.).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Социально-исторический подход. Такой подход необходим, если мы хотим понять структуру, динамику и место малых городов России в ее производственной и общественной жизни. Этот подход предполагает исследование преемственности в их динамике и разрывов, обусловленных социально историческими причинами

(войнами, революционными преобразованиями, политическими решениями и смелой ведущего способа общественного производства).

Историки различают специфику их хозяйственной динамики, политического и военного значения и характера их жизненного уклада или, как предлагают западные социологи, образа жизни их коренного и пришлого населения. Замечу сразу, что если смотреть на эволюцию малых городов с позиции скорости протекания исторического времени в течение, скажем, XIX-XXI веков, то наиболее подвижными окажутся политико-экономические трансформации, какими были, например, индустриализация и коллективизация, породившие массовую миграцию сельского населения в города. А наиболее стабильными оказались изменения в пространственной структуре этих поселений и жизненном укладе его населения. Время социальных трансформаций и их темпо-ритмы – важнейшая характеристика устойчивости малых городов и их динамики во времени и пространстве.

Малые города России претерпели, по крайней мере, *двенадцать серьезных потрясений*, вызвавших их качественные внутренние и внешние трансформации.

Во-первых, это была отмена крепостного права. Во-вторых, это были революция 1905-07 гг. В-третьих, это первая мировая война 1914-17 гг. и последовавшие за нею два революционных события: февральская и октябрьская революции. В-четвертых, это гражданская война 1918-22 гг. В-пятых, это НЭП со всеми его достоинствами и недостатками. В-шестых, это индустриализация и коллективизация 1929-34 гг. В-седьмых, это репрессии 1934-39 гг.

В-восьмых, это была Великая отечественная война 1941-45 гг. и последовавший за нею восстановительный период. В-девятых, это начавшаяся паспортизация сельского населения, позволившая его части уехать в города, на заработки или пойти в армию. В-десятых, это «реформы Н.С.

Хрущева и, прежде всего, попытка перейти от отраслевого к территориальному управлению народным хозяйством, которая после его смещения с поста Генсека ЦК КПСС была прекращена, и страна снова вернулась к отраслевому управлению экономикой.

В-одиннадцатых, это начавшееся «самоторможение» народного хозяйства, в частности, вследствие роста внутри него и партийно-хозяйственного аппарата коррупции и теневой экономики. В-двенадцатых, это «перестройка», ознаменовавшая не только новую экономическую и социально-политическую революцию, но и начало перехода к глобально-ориентированной экономике и общественной жизни. Я перечислил только основные «поворотные» пункты российской истории за указанный период, каждый из которых имел свое социальную и экономическую специфику и темпо-ритмы развития и угасания.

Коммуникационный подход. В 2016-17 гг. Альянсом руководителей региональной прессы России (АРС-Пресс) был выполнен пилотный проект «Малые города России – история». Хотя проект был представлен как социальный, целями этого проекта были информационные исследования по истории малых городов России с целью систематизации и унификации полученной в результате информации и затем ее распространения в СМИ, но также как подоснова для разработки будущих проектов «ревитализации» этих малых населенных мест. Проект, важный как инструмент привлечения интереса СМИ к данной проблеме, все же был ограничен малыми городами центра европейской части России, не затрагивая всей сложности и разнообразия этой проблемы в масштабах всей страны (Владимирские ведомости, 2017). Было бы интересно узнать подробнее, как развитие информационно-коммуникационной среды влияет на структуру и динамику малых городов. Но в любом случае, если информационная связь между малыми городами будет установле-

на, она, несомненно, окажет позитивное воздействие на возможности их возвращения к полноценной жизни.

Влияние глобальных процессов. Подобные процессы воздействуют на малые города прямо и косвенно. Прямо – в форме их разрушения в ходе войн или радикальных экономических и политических реформ, приведших, например, к ликвидации некоторых малых городов, России вследствие их затопления (города Молога, Калязин, Корчева и др.) Рыбинским водохранилищем. Прямо – также посредством информационно-коммуникационного воздействия и/или включения малых городов в большие системы расселения. И косвенно – посредством отнятия у этих человеческих поселений их исторических и культурных ценностей, отвлечения и физического отнятия их социального потенциала от решения актуальных местных задач (угон в рабство во время первой и второй мировых войн).

На этом факте необходимо остановиться более подробно. Все виды войн, радикальных изменений общественного устройства российского общества и других критических ситуаций сопровождались гибелью сотен тысяч людей, разорением среды их обитания и вывозом из страны огромного количества материальных и культурных ценностей, начиная от зерна, леса и мехов и до икон, золота и драгоценностей. Это не означает, что все эти ценности принадлежали малым городам. Однако, несомненно, эти ценности были частью этих малых населенных мест, неотъемлемой частью их истории и культуры, или же ресурсами, которые могли бы быть использованы для их развития. В отличие от мегаполисов, которые по своей сути всегда были в значительной мере «глобальными», поскольку были узлами межгосударственных связей и взаимодействий, малые города, по моему глубокому убеждению, были хранителями русской, татарской и других культур СССР/России.

Вместе с тем, и в сугубо мирное время малые города испытывали на себе рис-

ки, произведенные большими городами и, прежде всего, посредством создания рядом с ними полигонов для мусора, произведенного в мегаполисах. Другая сторона той же проблемы рисков заключалась в том, что в случае природных катастроф или техногенных аварий помощь оказывалась, в первую очередь, мегаполисам с их миллионным населением.

Наконец, еще одна проблема, *геополитическая*. Исторически ситуация сложилась таким образом, что европейская часть российской территории осваивалась и использовалась во много раз интенсивнее, чем ее сибирская часть и Дальний Восток. Это приводило к тому, что каждый раз в случае возникновения критической ситуации (военные действия, захват части территории противником, разрушение ее инфраструктуры) наиболее обжитая и обустроенная территория страны подвергалась сильному разрушению, тогда как другая ее часть практически не страдала. Сегодня при наличии у вероятного противника мощных средств разрушения и средств их быстрой доставки сама эта ситуация приобретает критический характер. То есть *риски и их социальные последствия распределяются неравномерно по территории страны*. Это тем более опасно, так как именно на европейской территории России сосредоточен ее основной политический и интеллектуальный потенциал, однако ресурсы, необходимые для его воспроизводства и развития сосредоточены в ее азиатской части.

Социальные перемены под воздействием исторических событий. Представляется, что главной из них является слишком плотная *цепь критических исторических событий*, не позволившая населению малых городов и их институций адаптироваться к этим быстротекущим и, в своей основе, радикальным переменам. Эти изменения привели к следующим результатам.

Первый, сложившийся веками и очень медленно изменявшийся уклад жизни этих населенных мест подвергся пер-

манентным изменениям, носившим, как правило, критический или разрушительный характер, какими были войны, мобилизационные мероприятия, революции, кардинальное изменение способа общественного производства, непрерывные «реформы» и т.д. В итоге, веками формировавшийся сельский уклад жизни, а малые города России в своем большинстве были его неотъемлемой частью, подвергся быстро разрушению.

Второй, особенно важно, что *разрушению подверглась сельская община* (или городское сообщество, близкое по своим характеристикам к сельскому укладу) как ключевой институт организации жизни малых городов. Вследствие трех войн и революций, индустриализации и коллективизации от сельского общинного уклада практически не осталось и следа. Войны, революционные потрясения, перемещения огромных масс населения, нехватка средств существования, голод и болезни, директивы и указания от центральных и местных властей, оргнабор на стройки социализма и коммунизма – все это подорвало сельский уклад жизни. Мне могут возразить, что малые города России и сельская жизнь – это не одно и то же. Согласен, однако, по большому счету, эти малые города, за исключением периода после 1950-х гг. были плоть от плоти сельского уклада жизни.

Третий, произошел распад традиционной большой семьи, которую ранее цементировал и воспроизводил тип индивидуального хозяйства. Воспроизводство семьи как первичной социальной ячейки, в свою очередь, зависело как от социальных факторов (например, от череды церковных дат и событий), так и от смены времен года. В общем и целом, ритм жизни был устойчивым, повторяющимся, даже случае социальных конфликтов или природных катастроф.

Четвертый, какой жизненный уклад пришел взамен? Он не был единообразным. Скорее, его можно квалифицировать, согласно доктрине А. Грамши и З. Баума-

на, как некоторый «промежуточный» (interregnum) между городом и деревней хозяйственный уклад и образ жизни. В конце 1960-х гг., когда мои коллеги и я (Ахиезер, Коган, Яницкий, 1969), выдвигая концепцию урбанизации как всемирно-исторического процесса, мы тогда не располагали тем фактическим материалом, которым историки и социологи располагают сейчас.

Отличие этого образа жизни в том, что он более не был территориально укоренен, за исключением, так называемых моногородов, созданных по принципу одно предприятие и рабочий поселок при нем или десятков вахтовых поселков. Этот образ жизни был «укоренен» в государственной политике и всецело зависел от нее. А, как известно, эта политика периодически менялась, иногда радикально, как, например, во времена создания и разрушения совнархозов. *В результате возник социальный тип «маргинального человека».* То есть человека, который всецело зависит от политики, будь она национальная или глобальная.

Пятый, в отличие от мегаполисов, которые разрушали природные экосистемы, подчиняя их своим нуждам, малые города и сельские поселения были «встроенны» в природу и во многом зависели от нее. Дело не только в охоте, рыболовстве, заготовке дров и сборе грибов или ягод – житель малого города постоянно ощущал ее физическое и эмоциональное воздействие. Мои интервью с десятками экологов свидетельствуют, что взросление в сельской местности во многом определило их дальнейшую профессиональную деятельность.

Шестой, это нахождение населения этих городов между Сциллой и Харибдой, то есть между ограничением их территориальной мобильности (отсутствие паспортов, работа по трудовым договорам), с одной стороны, и различными формами мобилизации их трудовых ресурсов (оргнабор на стройки новых промышленных городов, их инфраструктуры, дорог, кана-

лов и мостов и т.д.). С моей точки зрения, в советский период подавляющее большинство форм труда носило мобилизационный характер, несмотря на множество объявлений «требуются рабочие» и т.п.

Седьмой, такие социальные катастрофы как войны, революции, индустриализация и коллективизация, голод в Поволжье и на Украине, засуха 1946 и 1972 гг. также резко нарушали только-только начинавшийся складываться ритм жизни в малых городах. Эти и подобные критические ситуации наступают достаточно быстро, а ликвидация их последствий затягивается на долгие годы или вообще не приводит к восстановлению прежнего социального уклада и образа жизни. Правы У. Бек и другие социологи, утверждавшие, что мы сегодня живем в век «побочных последствий». То есть предсказывать масштабные критические ситуации ни социология, ни другие науки еще не способны.

Восьмой, с распадом Советского Союза и переходом России к рыночной экономике наступил очередной переходный этап: структура и функции малых городов существенно изменились. Значительная их часть деградировала вследствие ликвидации сосредоточенных в них производственных мощностей. Если быть более точным, наступила новая фаза «всеобщей растащивки», то есть разграбления оставшегося производственного имущества, материалов, деталей машин и т.д. Наступил период челночной торговли и мешочничества как способа выживания. Подобное отношение было и в отношении к природе. Ситуация усугублялась нестабильностью политической ситуации и ростом преступности. Существовавший ранее социальный порядок перестал существовать.

Девятый, одновременно начался период имущественного и социального расслоения населения малых городов. СМИ свидетельствуют, что, несмотря на скудность бюджета этих городов, их администрация богатеет, а остальная масса населения беднеет. Эти люди или вынуждены

искать работу в больших городах, или же «возвращаться» к натуральному хозяйству, то есть к самообеспечению продуктами питания, заготовкам продуктов питания на зиму, ремонту и обустройству своего жилища и т.п.

Десятый, параллельно из этих городов под предлогом «оптимизации» сервиса и медицинского обслуживания вся их сеть перемещается в средние и крупные города, а в малых городах в лучшем случае остается школа, фельдшерский пункт и один магазин, или же раз в неделю приезжает автолавка. То есть такая «оптимизация» ведет к деградации малых городов. То, что должно было бы сделать государство или местное самоуправление – наладить доступное транспортное сообщение между малыми и большими городами – было переложено на плечи самих жителей малых городов и других отдаленных мест.

Кроме того, критическая социальная и экологическая ситуация во многих моногородах определяется, с одной стороны, устаревшим производственным оборудованием, а с другой стороны, их фактической принадлежности олигархическим структурам, которые не заинтересованы в их поддержании и развитии. Напомню, критическую ситуацию в городе Пикалево Ленинградской области 2009 г. Казалось бы, властям С. Петербурга ничего не стоило бы погасить социальный конфликт, возникший в них под боком. Но нет, потребовался приезд в город В. В. Путина и публичная критика им миллиардера О. Дерипаски, чтобы это конфликт погасить.

Одиннадцатый, как население малых городов выживают сегодня? Так как работа для него есть только в самых больших городах, основная часть трудоспособного населения малых городов и регионов выживают посредством периодической, как правило, раз в две недели, миграции в мегаполисы и – обратно, в свой городок или поселок городского типа. Этот периодический поток делится на три части: одна, состоящая из наиболее способной и продвинутой молодежи, старается закрепиться в

больших городах (в ВУЗах, на постоянной или временной работе); вторая, самая маленькая – стремится использовать малые города как трамплин или перевалочный пункт для эмиграции за рубеж; третья – это люди старшего возраста, но не только, которые остаются в этих городах, продолжая вести полугородской или полусельский образ жизни.

Двенадцатый, как повлияет на жизнь малых городов Четвертая промышленная революция, то есть всеобщая информатизация и коммуникация нашей страны и планеты в целом? По моему мнению, существующие процессы (отток трудоспособного населения в большие города и т.д.) только усилятся. Видимо, предполагая интенсификацию этого тренда, федеральные власти постепенно продолжают укрупнять административные единицы деления территории РФ. Что неизбежно повлечет за собой дальнейшее «опустынивание» системы малых городских поселений, если же здесь или в центре не найдут необходимых ресурсов для ускорения динамики уже начавшихся преобразований.

Некоторые вопросы, требующие дополнительных исследований. Как и двадцать пять лет назад, весь научный мир обуреваем надеждой на создание устойчивых городских систем. Вообще, термины устойчивость, устойчивое развитие (sustainability, sustainable development) оказались на редкость политически релевантным. Вроде задачу сформулировали правильно, а как ее реализовать – это надо решить в каждом конкретном случае. Типичный пример политической безответственности или, выражаясь социологическим языком, яркий пример «демонстрационного поведения». И почему-то в данном конкретном случае политики не желают заглянуть в любые справочники по системному анализу, где черным по белому написано, что *любая устойчивость достигается только через постоянные изменения*. Но политикам за красивые слова хорошо платят, а ученым – нет.

К тому же, пока нет междисциплинарных исследований, ориентированных на изучение ценностных ориентаций и социальной психологии населения малых городов разных типов. Несмотря на мощное давление рыночных отношений, социально-психологический тип большинства их коренных жителей сильно отличается от их «мобильных» детей и внуков, ориентированных на достаток, успех и карьерное продвижение.

Как будут развиваться эти города? Рассмотрим сначала вопрос концептуального характера: спасет ли эти города «клеточная урбанизация»? Если под этим термином действительно понимать урбанизацию, то есть «точечное» распространение городского образа жизни и обеспечивающих его инфраструктур, то, скорее всего, нет, не спасет. Вряд ли состоятельные горожане захотят строить свои коттеджи и поместья в среде деградирующих малых городов. Есть примеры, когда представители среднего класса (и среднего возраста, т.е. сорока и пятидесятилетние) переезжают на постоянное место жительства в дачные поселки, создают там свое хозяйство, заводят себе подобных друзей, но опять же – это именно зимние дачи-дома с полным циклом натурального хозяйства. Тем более что недавно принятый федеральный закон, получивший название «дачной конституции», заставит этих людей превращать свои участки именно в садовые или огородные хозяйства. Сказанное выше не означает, что эта категория людей не будет пользоваться городскими услугами (интернет, службы сервиса и доставки и т.д.).

Если не будет серьезных критических ситуаций, то развитие малых городов, скорее всего, пойдет по трем направлениям. *Первое* – это борьба за минимальное благоустройство городского типа. То есть газо- и электроснабжение, хорошие дороги, доступ к первичной медицинской помощи, борьба против свалок. *Второе* – это стремление населения и администрации этих городов стать полноправными элементами (административными единицами)

мегаполисов и других современных форм урбанизации. *Третье* – это создание или сохранение своей историко-культурной индивидуальности за счет усилий по поддержанию их историко-культурной специфики и потому привлекательности для российских и иностранных туристов. На европейской территории России таким городом является Мышкин, к тому же возрожденный по инициативе и во многом руками их коренных жителей (Ширяев, 1897; Гречухин, 2008).

Далее идут так называемые *моногорода* (принцип «один завод – один город»). В них сегодня проживает, по разным подсчетам, от 1/5 до 1/4 всего населения страны. Однако эти цифры ничего не говорят. Проблема в том, что эти города создавались в 1950-60-х гг. как рабочие поселки, обслуживающие одно предприятие, или же в целях рассредоточения промышленного производства на случай ядерного удара. В европейской части примером может служить город Кольчугино, в азиатской части – город Байкальск при Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате, ныне не работающем (закрыт в 2013 г.). Если, например, г. Кольчугино, созданный еще в XIX в., живет относительно неплохо, благодаря хорошим транспортным связям с сетью других городов, то все попытки «оживить» Байкальск после закрытия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината практически ни к чему не привели (Yanitsky, 2011).

Раньше такие города существовали благодаря их нужности предприятию или министерству, которое их и создало. Однако после перехода на рыночные отношения большинство моногородов осталось без своего градообразующего предприятия. Вопрос о способах «ревитализации» этих городов стоит в повестке дня правительства РФ, но пока конкретных рекомендаций дано не было, а превращение их в «территории опережающего развития» (ТОРы) явно невозможно в нынешней экономической ситуации. Некоторые авторы предполагают, что оживление моногоро-

дов можно достичь за счет ресурсов «российской глубинки». Но для этого нужно, чтобы такие ресурсы там действительно были. Затем, нужны финансовые и другие средства для их освоения. И, наконец, а кто именно захочет жить и работать в этих городах со столь неопределенным экономическим и социальным статусом, когда молодежь видит, что единственной средой для карьерного продвижения и достижения материального благополучия являются мегаполисы?

Заключение (Conclusions). Анализ структуры и динамики малых городов предполагает сочетание следующих подходов: культурно-исторического, политико-экономического, комплексного, междисциплинарного, а также анализа темпоритмов взаимодействия и метаболизма составляющих их агентов и сред.

Как представляется, сегодня главная проблема малых городов, это какой будет динамика этих человеческих поселений? Вот возможные перспективы при относительно спокойном (не критическом) развитии событий.

С моей точки зрения, большинство из них войдут в состав агломераций или других форм интегрированных систем расселения. Это вариант наиболее перспективен с экономической, социальной и других точек зрения. Нужны, прежде всего, хорошие транспортные и информационные связи между всеми видами поселений, входящих в такие системы, а дальше будут происходить процессы самоорганизации. То есть одни функции малых городов будут развиваться, а другие постепенно отпадут вследствие наличия внутри-агломерационных связей. То есть коммуникация будет решающим фактором в динамике малых городов.

Естественно, у этой системы будут специфические формы, зависящие от типа производства. Предполагаю, что будут интенсивно развиваться относительно изолированные (закрытые) городки вдоль Северного морского пути как наиболее перспективного, с точки зрения, наличия

нефтегазовых и других ресурсов, этого региона «линейного» типа. С развитием транспортной инфраструктуры страны будут развиваться и другие типы вахтовых поселений. Сохранится также сеть закрытых (научных, военных, спортивных и других) малых городов.

Наконец, с ростом вероятности возникновения критических ситуаций (природных и техногенных катастроф) будет развиваться такой тип поселения как мобильные лагеря быстрого развертывания (гражданские, беженцев, военные, спасателей и т.д.). Примером является мобильные лагеря международной организации «Врачи без границ».

Но есть множество городов и поселков городского типа, которые, по моему мнению, оживить уже невозможно, и они постепенно отомрут в течение одного поколения, а их население будет переселено в другие города. К сожалению, градостроители пока недостаточно учитывают фактор роста всеобщей мобильности населения, в том числе региональной и глобальной (Urry, 2008).

Так или иначе, перспективы и динамика малых поселений будут зависеть от общей экономической и политической ситуации в мире, а также от интересов государства, ведущих экономических агентов и их сообществ. Критическая динамика малых городов требует специального исследования.

Список литературы

Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43-53.

Владимирские ведомости. 2017. 3 марта. URL: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (дата обращения: 10.11.2018)

Гольдфарб С. Байкальский синдром. Расследование экологического преступления века. Иркутск: Агентство «Комсомольская правда – Байкал», 1996.

Горшков П. Н. Кольчугино. Город, завод, люди. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1981.

Гречухин В. А. Мышкин. По городам России. М.: Научный мир, 2008.

Лихачев Д. С. Экология культуры // Знание-сила. 1982. № 6. С. 22-24.

Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминания. СПб.: Logos, 1997.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860 годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Ленинград: Наука, 1990.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.). В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Булавин, 2018.

Проект «Малые города России – история» // Владимирские ведомости 2017. 30 марта. URL: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (дата обращения: 10.11.2018)

Ширяев С. О. Мышкин, город // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1897.

Яницкий О. Н. Экологический архив О.Н. Яницкого / Официальный сайт ИС РАН – 2014. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2983> (дата обращения: 10.11.2018)

Keen D. Complex Emergences. Cambridge: Polity, 2008.

Urry J. Global Complexities. Cambridge: Polity Press, 2003.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.

Yanitsky O. The Struggle in Defense of Baikal: The Shift of Values and Disposition of Forces // International Review of Social Research. 2011. № 1 (3). Pp. 33-51.

References

Akhiezer, A. S., Kogan, L. B. and Yanitskiy, O. N. (1969), “Urbanization, society and scientific and technical revolution” *Voprosy filosofii*, (2), 43-53. (in Russian).

Vladimirskie vedomosti (2017), 3 Mar. [Online], available at: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (Accessed 11 November 2018). (in Russian).

Gol'dfarb, S. (1996), *Baikal syndrome. Investigating the environmental crime of the century*, Agentstvo «Komsomol'skaya pravda – Baykal», Irkutsk, Russia. (in Russian).

Gorshkov, P. N. (1981), *Kolchugino. City, plant, people*, Yaroslavl, Russia. (in Russian).

Grechukhin, V. A. (2008), *Myshkin. Traveling across cities and towns of Russia*, Nauchnyy mir, Moscow, Russia. (in Russian).

Likhachev, D. S. (1982), “Ecology of culture”, *Znanie-sila*, (6), 22-24. (in Russian).

Likhachev, D.S. (1997), *Selected works: Memories*, Logos, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Mironov, B. N. (1990), *Russian city in 1740-1860: demographic, social and economic development*, Nauka, Leningrad, Russia. (in Russian).

Mironov, B. N. (2003), *Social history of the Russian Empire (XVIII-beginning of XX century). In 3 volumes*, Dmitriy Bulavin, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Mironov, B. N. (2018), *Russian Empire: from tradition to modernity*, Dmitriy Bulavin, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

The "Small towns of Russia – history" Project (2017), *Vladimirskie vedomosti*, March 30, [Online], available at: <http://www.vedom.ru/news/2017/03/30/24918-malye> (Accessed 11 November 2018) (in Russian).

Shiryayev, S. O. (1897), “Myshkin, town”, *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Yanitsky, O. N. *Ekologicheskiy arkhiv O. N. Yanitskogo* [Environmental archive of the O. N. Yanitsky] [Online], available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2983> (Accessed 11 November 2018) (in Russian).

Urry, J. (2003), *Global Complexities*, Polity Press, Cambridge.

Urry, J. (2008), *Mobilities*, Polity Press, Cambridge.

Yanitsky, O. (2011), “The Struggle in Defense of Baikal: The Shift of Values and Disposition of Forces”, *International Review of Social Research*, 1 (3), 33-51.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник виртуальной лаборатории «РНФ-45-ВП» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского центра социологии РАН.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of philosophical science, Professor, Leading researcher at the lab. “RSF-17-45-VP”, Institute of Social Philosophical Studies and Mass Communication, Kazan Federal University, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.